

Ю.Е. Березкин

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ АНДЫ, БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ТАЙНОЕ ЗНАНИЕ¹

Я бы говорил не о цикличности, а о пульсациях в развитии культуры и общества. «Цикл» предполагает круговое движение, а в истории этого не бывает. Однако частичное возвращение от более сложных систем к более простым, несомненно, встречается.

Упрощение структуры общества и регресс в отдельных областях материальной культуры обусловлены причинами внешнего и внутреннего характера. Внешние — это главным образом природно-климатические изменения. Ледниковый максимум, потепление аллерёда, поздний дриас, альтитермаль, событие 8200 (сброс приледникового озера Агассис в Атлантику), аридизация II тыс. до н.э., средневековая климатическая аномалия, малый ледниковый период — эти и другие изменения природной среды сыграли огромную роль в истории, сужая или расширяя возможности развития культуры, становясь катализаторами определенных процессов. Внутренние причины обусловлены «самофункционализацией социальных систем определенного типа» [Коротаяев 2003: 35–38, 42]. Именно эти пульсации представляют особый интерес.

Начнем с небольшого экскурса в историю идей.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 11-06-00441 «Динамика централизации–децентрализации традиционных социально-политических систем Старого и Нового Света по археологическим, историческим и этнографическим данным». Поскольку положения статьи в основном опираются на материалы, изложенные в моей монографии [Березкин 2013], ссылки на источники сокращены до минимума — в противном случае их было бы более 600.

К концу 1940-х годов Дж. Стьюард сформулировал теорию параллельного однонаправленного развития ранних цивилизаций, основанных на ирригационном земледелии [Steward 1949]. Далеко уйдя от построений ранних эволюционистов, Стьюард и его последователи сохранили некоторые из их постулатов, а именно:

1. В развитии социумов можно выделить определенные ступени, стадии.

2. Даже при отсутствии исторических связей вектор развития в отдельных регионах одинаков, если природные условия в основном сходны (а климат и ландшафт Центральных Анд и Передней Азии имеют много общего).

В СССР/России стьюардовскую позицию отстаивали В.А. Башилов (1999) и В.М. Массон [1964: 453–456; 1971: 107–159; 1981: 119–128]. Последний ссылаясь не на Дж. Стьюарда, а на Г. Чайлда, но сравнение Америки с Передней Азией — это именно стьюардовская, а не чайлдовская идея.

Чайлд и его последователи писали о ступенях в эволюции культуры, связанных с переменами в образе жизни людей, которые Чайлд назвал неолитической и городской революциями [Лынша 2001]. Сами перемены были обусловлены технологическими открытиями. Об эволюции социополитической организации Чайлд писал лишь попутно. Представления Стьюарда касались социополитической динамики. Созданная его последователями «четырёхчленка» (*band, tribe, chieftdom, state*) описывает ступени в усложнении политической организации. Если переход с одной ступени на другую и обусловлен развитием технологии, то не прямо, а благодаря увеличению демографической плотности и численности коллективов. Но хотя Чайлд писал об изменениях в занятиях и образе жизни, а представители школы Стьюарда — о политической организации, все неоэволюционисты середины XX в., кроме Л. Уайта, в той или иной мере оставались стадиалистами.

К концу XX века исследователи в основном признали невозможность провести четкие границы между эгалитарными, ранговыми и стратифицированными обществами или же между вождеством и государством, а также гигантское разнообразие конкретных вариантов социополитической организации. Историческая наука не может обойтись без использования общих понятий, но они есть лишь шаблоны и ориентиры, с которыми мы сравниваем реальные общества во всем их разнообразии. М. Вебер [1990: 389] называл такие шаблоны историческими идеальными типами. Однако хотя стадиализм

в современной социокультурной антропологии и сошел со сцены, постулат параллельного однонаправленного развития в сходных условиях при отсутствии между обществами исторических связей в основном остается в силе. Примером служит хотя бы недавняя книга К. Флэннери и Дж. Маркус — корифеев мезоамериканской археологии [Flannery, Marcus 2012].

Не менее живучим оказался и еще один постулат раннего эволюционизма — представление о необратимости движения по восходящей. Точнее это даже не постулат, а интуитивно принятая аксиома — все, что к середине XX в. было известно о дописьменных обществах с надобщинным уровнем интеграции, свидетельствовало об их развитии от простого к сложному, за исключением тех случаев, когда кризисы были вызваны природными катастрофами или войнами. Факты иного рода научное сообщество не было готово осмыслить. И хотя с тех пор накопленные данные о древних культурах умножились многократно, теоретические установки остались в основном прежними.

Показательно в этом смысле исследование П. Перегринна и его коллег с целью математической проверки того, действительно ли социополитическая организация развивается по экспоненте [Peregrine 2001; 2003; Peregrine, Ember 2001–2003; Peregrine et al. 2004]. Оказалось, что от раннего палеолита и до римского времени развитие осуществлялось именно так. Подобный вывод был обеспечен выбранным форматом базы данных исследования. Поскольку в качестве минимальных единиц фигурировали крупные историко-культурные ареалы и эпохальные промежутки времени, при статистической обработке материалов возможные колебания либо сглаживались, либо, оставшись заметны на определенной региональной шкале, не влияли на глобальные тренды.

Никаких оснований оспаривать выводы П. Перегринна нет, но и особенно хвалить его не за что — мы получили всего лишь математическое доказательство истинности представлений, разделяемых большинством здравомыслящих людей. Вещь полезная, но прорывом в науке ее назвать трудно.

Тема пульсирующего развития культуры в отдельных очагах политогенеза тесно связана с темой различий между самими очагами. Перерывы постепенности и смену путей развития можно изучать лишь на конкретных материалах. Поскольку речь пойдет о Центральных Андах и Передней Азии, отметим существенные различия между древними обществами этих регионов.

На некоторые из этих различий я обратил внимание еще 35 лет назад: известные по литературе памятники Перу разительно отличались от «стадиально близких» к ним поселений юга Туркмении IV—III тыс. до н.э., в раскопках которых мне довелось принимать участие [Березкин 1994а; 1994б; 1995]. К сходным выводам, обоснованным на более обширных и в основном несколько более поздних материалах (Месопотамия III—II тыс. до н.э.), пришел работающий в Перу польский археолог Кшиштоф Маковский [Makowski 1996; 2008; 2010].

Характеризуя древние общества, мы судим о них по материалам археологии и иконографии. Поэтому описывать эти общества с помощью только лишь понятийного аппарата социокультурной антропологии, как это обычно делают, не кажется правильным. Материалы археологии касаются не отношений между людьми, а следов деятельности людей. Надежно реконструировать на этой основе формы отношений удастся редко, и любые выводы подобного рода носят вероятностный характер. Порой эта вероятность слишком мала, чтобы сделать полученные заключения основой для дальнейших реконструкций. Если же мы не выходим за пределы археологии и сравниваем определенные категории археологических материалов друг с другом, то соответствующие изменения от одной культуры к другой фиксируются надежно и объективно. Каким изменениям в социополитической организации они соответствуют — это следующий вопрос, ответ на который может быть только предположительным.

Говоря о Центральных Андах и Передней Азии, я буду иметь в виду эпоху, начало которой отмечено появлением свидетельств координированных усилий людей для создания объектов неутилитарного назначения — настолько значительных, что их сооружение усилиями небольшой общины исключено. Верхняя граница интересующей нас эпохи ознаменована появлением обществ, государственный уровень которых известен по письменным источникам. В Передней Азии это раннединастический Шумер (с начала III тыс. до н.э.), в Центральных Андах — империя Инков и завоеванное инками царство Чимор (XII/XIII—XV вв. н.э.).

Данным обществам предшествуют те, об устройстве которых свидетельствуют только археологические материалы. Если говорить о государствах и их близких «аналогах» [Гринин 2006; 2013], то в Андах это Мочика со столицей в Уакас-де-Моче в долине Моче (III—VII/VIII вв. н.э.), Уари со столицей близ современного Аякучо (VII—IX вв. н.э.), Тиауанако со столицей к югу от оз. Титикака (VII—X/XII вв. н.э.),

Пампа-Гранде и, вероятно, другие политические образования, связанные с поздней культурой мочика (VII–VIII вв. н.э.), Сикан на севере побережья с центром в долине Ламбайеке (X–XIII вв.), а также хуже известные Касма в северо-центральной части побережья (VII/VIII–X/XII вв. н.э.) и, вероятно, Лима в районе современной перуанской столицы (III–VI вв. н.э.). В Передней Азии это Урук VI–IV в Нижней Месопотамии (XXXVII/XXXV–XXXI/XXX вв. до н.э.) с его довольно загадочными «колониями» на территории Сирии и Ирана, а также, возможно, другие центры в пределах будущего Шумера, если они сохраняли независимость от Урука. Не исключено, что политические образования северной Месопотамии (Телль-Брак, Хамукар и, возможно, другие) достигли того же уровня сложности одновременно с Уруком, если не раньше, однако они еще слишком плохо исследованы. Ирана и Южной Азии мы сейчас не касаемся, но культуры этих областей близки переднеазиатским. Первые общества, которые, судя по данным археологии, обладали значительной частью признаков, характерных для государств, появляются там в XXIX–XXVI вв. до н.э. Это Аншан, Шахдад, Джирофт, Шахри-Сохте и, возможно, другие центры Ирана, а также хараппская цивилизация.

Еще глубже во времени располагаются среднemasштабные общества. Они организованы сложнее, чем небольшая община, но проще, чем государства. Для представителей школы Стьюарда речь шла о вождествах, однако даже среди обществ, известных по данным этнографии и этноистории, представлены и другие организационные варианты [Гринин, Коротаев 2012; Grinin, Korotayev 2011]. Сколько таких вариантов существовало в древности, мы не знаем. Впрочем, то же касается и вариантов устройства политических образований уровня государств, о которых нет сведений в письменных источниках.

Ранние общества Центральных Анд, а также исторически связанные с ними общества Южных и Северных Анд и юго-востока Центральной Америки отличаются от переднеазиатских в нескольких отношениях.

1. Значительно (на порядок, если не на два порядка) большие размеры общественно-культурных сооружений при одинаковых или меньших демографических показателях. В Перу монументальные общественно-культурные центры появляются не позже второй четверти III тыс. до н.э. (Асперо) и, возможно, еще в третьей четверти IV тыс. до н.э. (Сечин-Бахо). Во второй–третьей четверти II тыс. до н.э. подобные сооружения намного превосходят размерами любые изучен-

ные археологами сооружения Древней Месопотамии. В северо-центральных районах Перу строительство монументальных платформ почти прекращается во второй половине I тыс. до н.э., а примерно с рубежа нашей эры начинается вновь, достигая максимума в V–VII и X–XI вв. н.э. (рис. 5). На Боливийском плоскогорье ввиду преобладания ранее II тыс. до н.э. аридных условий размеры общественно-культовых сооружений начинают увеличиваться лишь с середины II тыс. до н.э. и достигают максимума в третьей четверти I тыс. н.э.

В культурах земледельческого неолита и энеолита Месопотамии монументальная архитектура отсутствует и появляется во второй четверти IV тыс. до н.э. вместе с первыми городскими поселениями — Уруком на юге, Телль-Браком и Хамукаром на севере.

2. Профессиональное изобразительное искусство. Если говорить о культурах Америки, которым соответствовали общества уровня вождеств и их аналогов и уровня ранних государств, то там предметов с профессионально выполненными изображениями в тысячи раз больше, чем в предшествующих появлению ранних государств переднеазиатских культурах. Большинство найдено в погребениях, некоторые связаны с оформлением фасадов и интерьеров общественно-культовых зданий (рис. 1).

В Америке преобладают предметы не с геометрическими и схематическими биоморфными, а со сложными фигуративными изображениями, которые очевидным образом связаны с определенными культурами. Подобные изображения для Передней Азии не характерны. Редчайшим исключением является роспись на халафском сосуде из погребения в Арпачии неподалеку от Ниневии (рис. 2; [Hijara 1978, fig. 1; Корниенко 2006, рис. 72]). Она, однако, остается единственной в своем роде. От неолита и энеолита Сирии и Месопотамии отличается малоазиатский Чатал-Хеюк с его всемирно известными образцами фигуративного изобразительного искусства VII тыс. до н.э. Однако после оставления Чатал-хеюка эта традиция почти прерывается. Кроме того, в Чатал-хеюке речь в основном идет о росписях на стенах парадных помещений, которые замазывались штукатуркой вскоре после их нанесения [Düring 2011: 100–101]. Это совершенно иная практика по сравнению с изготовлением фигурных и расписных керамических сосудов или нанесением изображений на внешние стены храмов.

3. Сокровища в захоронениях. В Центральных Андах массивные золотые изделия в погребениях появляются с конца II или начала

Рис. 1. Изображения, характерные для традиции перуанских общественно-культурных центров III — середины I тыс. до н.э.: 1–7: III тыс. до н.э.; 8–11: II тыс. до н.э.; 12–20: конец II — первая половина I тыс. до н.э.

1, 2, 10, 12, 15–17, 20 — по [Burger 1995, fig. 16, 43, 102, 125, 140, 144, 183]; 3 — по [Sawyer 1966, fig. 1]; 4, 5, 11 — по [Bischof 1994, fig. 10, 12, 17]; 6 — по [Alva Menesis 2008, fig. 10]; 7 — по [Garrafa, Benfer 2012, fig. 5]; 8 — по [Daggett 1987, fig. 3b]; 9 — по [Kauffmann Doig 1980: 191]; 13 — по [Carrión Cachot 1948, pl. 18.4]; 14 — по [Cordy-Collins 1992, fig. 6]; 18 — по [Olsen Bruhns 1994, fig. 10.7]; 19 — по [Hohmann 2010, Abb. 288]; 16 — персонаж, несущий наркотический кактус сан-педро; 17 — североперуанское изображение божества, держащего в руках раковины из Эквадора; 19 — персонаж с выступающими из тела стручками наркотического растения *Anadenanthera colubrina*; 20 — существо, из носа которого струятся обильные выделения — характерный признак приема галлюциногена *Anadenanthera columbina*

I тыс. до н.э., в Эквадоре — с 500–300 до н.э., в горной Колумбии — с первых веков н.э., в Панаме и Коста-Рике — с 600–800 н.э. Наличие в могилах предметов, имеющих объективно высокую стоимость, свидетельствует о появлении лиц, пожизненно облеченных властными прерогативами. В Перу в III и, возможно, даже во II тыс. до н.э. могла иметь место ротация власти как в современных индейских общинах — отсюда отсутствие в это время сокровищ [Moseley 1992: 140–141]. В сложных обществах Северных Анд и юго-востока Центральной Америки появление золота в захоронениях совпадает с появлением самих сложных обществ. Вполне возможно поэтому, что вместе с металлургией сюда из Перу проникли и определенные формы надобщинной организации, появившиеся в Центральных Андах к началу I тыс. до н.э.

Сравнивая вес найденных золотых изделий с численностью соответствующих коллективов, приходится заключить, что в доколумбовой Америке захоронения властных персон бывали намного богаче, чем в ранних государствах Древнего Востока (3500–2500 до н.э.). Общий вес золотых предметов, попавших на рынок древностей после разграбления в 1992 г. могильника Малагана в Колумбии, оценивается в пределах от 140 до 230 кг [Cardale Schrimppf 2005: 143; Drennan 2008: 391]. Вокруг Малаганы жили тысячи, в лучшем случае немногие десятки тысяч людей. Однако ценность обнаруженных здесь сокровищ как минимум не уступает ценности изделий, извлеченных из царских могил Ура, когда на юге Двуречья жили многие сотни тысяч людей.

В более ранних обществах Передней Азии, сопоставимых по демографическим параметрам с обществами Перу и Эквадора I тыс. до н.э., сокровищ практически нет. Они могли быть в некоторых обще-

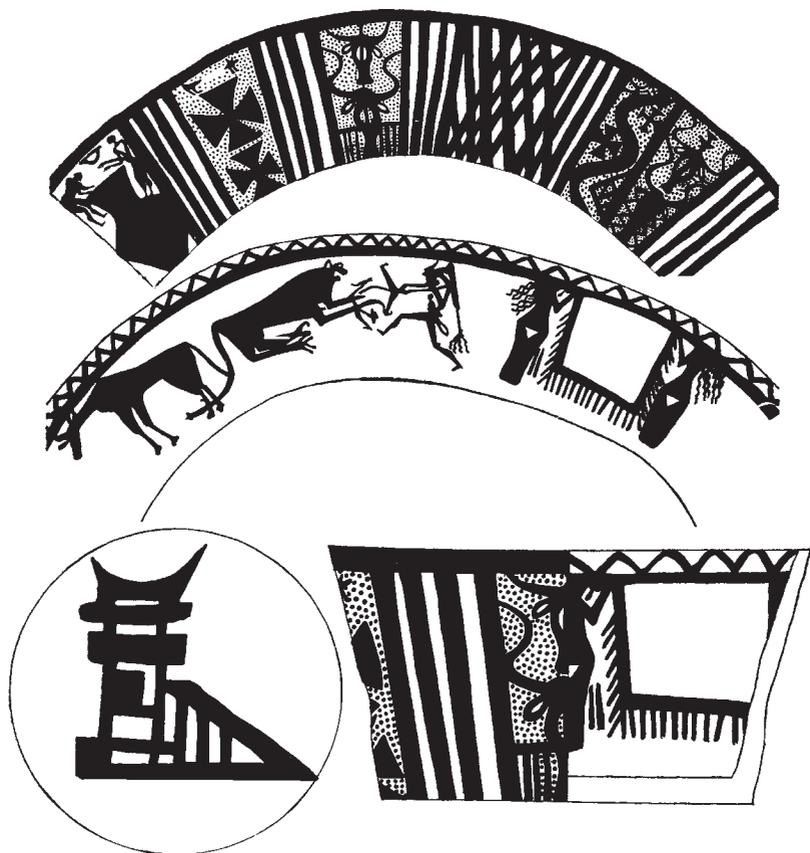

Рис. 2. Роспись на халафском сосуде из погребения в Арпачие, по [Nijara 1978, fig. 1]. Фигуры женщин и быков (либо букрании) характерны для искусства Передней Азии, начиная с докерамического неолита Б, а также для территорий, которых достигло влияние этой культуры (от карпато-балканского региона до Туркмении и Белуджистана). Данная роспись — редчайший пример сложной сцены в искусстве переднеазиатского неолита. Изображения сопоставимого уровня сложности в Центральных Андах также появляются лишь со второй половины I тыс. до н.э. (ткани и керамика культуры паракас), но в первой половине I тыс. н.э. они исчисляются уже многими тысячами. В III — первой половине I тыс. до н.э. многофигурные композиции единичны, но сложных, детально проработанных изображений отдельных персонажей на порядок больше, чем в доурукском искусстве Месопотамии и Сирии. См. рис. 1

ствах Закавказья и Анатолии, поскольку именно в Закавказье следует искать вероятную прародину создателей майкопской культуры IV тыс. до н.э. с ее хорошо известными изделиями из золота и серебра. Однако в отношении основных культур керамического неолита и энеолита Сирии и Месопотамии, к которым восходит урукская цивилизация (хассуна, халаф, самарра, убейд), отсутствие в захоронениях предметов, имеющих объективно высокую стоимость, сомнений не вызывает. Золото и ритуальные предметы из меди весьма рано (конец V либо начало IV тыс. до н.э.) появляются в Ханаане, но не в захоронениях, а вкладах в пещерах (Нахаль-Хана и Нахаль-Мишмар). Кроме того, наряду с профессионально выполненными предметами культа, сделанными из меди, в Ханаане найдены также явно культовые, но сделанные непрофессионально в домашних условиях керамические сосуды с изображениями [Alon, Levy 1989; Joffe et al. 2001]. Это значит, что сфера сакрального не была вполне монополизирована какой-то жреческой корпорацией. Что же касается центральноандских культур, то в них предметы с изображениями отражают примерно одинаковый уровень профессионализма.

4. Не просто использование сильнодействующих наркотиков, но включение соответствующих практик в ритуалы с участием элиты. Растения-галлюциногены и предметы, связанные с их использованием, представлены на важнейших изображениях культового характера (рис. 1, 16, 19, 20; [Berenguer 1985; 1987; Burger 2011; Cordy-Collins 1977; Isbell, Knobloch 2006; Knobloch 2000]). Соответствующие изделия из золота и других ценных материалов найдены в элитарных захоронениях, связанных как со среднemasштабными обществами андского региона, так и с обществами уровня ранних государств. Для Передней Азии подобная практика совершенно нехарактерна.

5. Не просто культ голов-трофеев и публичное умерщвление пленников, но также изображения соответствующих сцен на стенах важнейших общественно-культовых центров и на предметах в захоронениях.

Археологические раскопки свидетельствуют о том, что подобные изображения отражают реально происходившие ритуалы, однако частота встречаемости изображений вряд ли воспроизводит интенсивность военных конфликтов. Скорее речь идет об иконографическом клише, отражающем определенные представления (рис. 3). Сходство соответствующих изображений на территориях от Коста-Рики до северо-западной Аргентины указывает на единые истоки

Рис. 3. Изображения воинов и антропоморфных мифических персонажей с головой-трофеем в руках в культурах Центральных Анд

1. Фигура воина на плите из района Чавин-де-Уантар, конец II — начало I тыс. до н.э., по [Rowe 1962, fig. 17]. 2. Антропоморфная фигурка на Воротах Солнца в Тиуанако, третья четверть I тыс. н.э., по [Poznanski 1945, fig. 39-3]; персонаж трубит в горн и держит в руке голову-трофей. 3. Деталь росписи на сосуде культуры мочика, IV–V вв. н.э., север побережья Перу, по [Kutscher 1954, Taf. 21]; изображен вражеский воин, вероятно, представитель культуры рекуай, у которого головы-трофеи прикреплены к специальным щитам. 4. Роспись на сосуде культуры наска, юг побережья Перу, III–IV вв. н.э., по [Proulx 1983, fig. 5]. 5. Рисунок на ткани паракас, V–III вв. до н.э., по [Kauffmann Doig 1980: 305]. 6. Деталь рельефа на сосуде культуры касма, VIII–IX вв. н.э., юг Северного побережья Перу, по [Carrión Cachot 1959, fig. 107]. 7. Роспись на сосуде культуры уари, горная область Перу, VII–VIII вв. н.э., по [Ravines 1977, fig. 32]. 8. Рисунок на ткани культуры чиму, Северное побережье Перу, XII–XIV (?) вв. н.э., по [Anton 1984: 151]. 9. Рельеф на сосуде с побережья Перу, север Центрального либо юг Северного побережья, конец I — начало II тыс. н.э. (МАЭ, колл. № 42-1). 10. Рельеф на каменной плите из Тиньяш, север горной области Перу, XII–XIV (?) вв. н.э., по [Falcón, Díaz 2008, fig. 9]. 11. Рисунок на ткани из гробницы в Уака-Лоро, культура сикан, долина Ламбайеке, ок. 1000 н.э., публикуется с любезного разрешения автора раскопок И. Шимады. 12. Рисунок, изображающий военного предводителя из рукописи второй половины XVII в., по [Guaman Poma de Ayala 1956: 393]

подобной идеологии. Древнейшие изображения воинов или божеств с отрезанной человеческой головой в руке относятся к концу II тыс. до н.э. (рис. 1, 14; 3, 1). Не исключено, однако, что более ранние пока не найдены — в III, а в значительной мере и во II тыс. до н.э. для их создания использовались главным образом органические материалы и необожженная глина, которые сохраняются хуже, чем золото, камень или керамика. Изображения выпотрошенных и расчлененных тел на плитах фасада храма Серро-Сечин (рис. 1, 11) относятся к первой половине II тыс. до н.э. [Bischof 2009: 14, 41; Fuchs, Patzschke 2012: 74–80].

В Передней Азии ранее урукского времени изображений пленников нет, а относительно многочисленными они становятся лишь в ассирийском искусстве. Кроме того, в искусстве древней Передней Азии сцены расправы над пленниками, по-видимому, отражают события, которые победители стремились запечатлеть. В Андах и на юго-востоке Центральной Америки фигура воина или мифического существа с головой-трофеем в руке представляет собой иконографический штамп, практически не меняющийся на протяжении тысячелетий и поэтому связанный не с реальными военными столкновения-

ми, а с какими-то представлениями. Характерно, что растения-галлюциногены и головы-трофеи бывают изображены вместе в пределах одной композиции.

6. В отличие от Передней Азии, в Перу практически нет теллей, то есть остатков плотно застроенных поселений, жизнь на которых продолжалась веками и тысячелетиями.

Перуанские общественно-культурные центры нередко возникали на пустом месте и покидались столь же внезапно. Это можно сказать об Уари (VII–IX вв. н.э.), где, по оценкам, жило от 20 до 40 тыс. чел. [Isbell 2008: 748–750]. Некоторые города представляли собой не что иное, как мастерские по возведению и обслуживанию гигантских административно-храмовых комплексов. Примером служит Пампа-Гранде на севере побережья Перу в VII в. н.э. [Shimada 1994: 216–225]. В других случаях церемониальные центры почти не имели постоянного населения. Таков Кауачи — главный центр культуры наска на юге побережья Перу в начале I тыс. н.э. [Silverman 2002]. Без «идеологического обеспечения» со стороны религиозной корпорации крупные поселения существовать, как правило, не могли, их функция как центров производства и обмена была вторичной.

В Передней Азии некоторые телли достигают высоты 30 м, а «жилые холмы» высотой 12–15 м обычны. Скорость отложения культурного слоя на соответствующих памятниках составляет около 1 м в столетие или чуть меньше, так что люди явно жили на одном месте на протяжении многих веков и даже тысячелетий. Подобная стабильность объяснима, если места расположения поселений определялись такими обстоятельствами, как близость сельскохозяйственных угодий или маршруты путей обмена. Войны могли приводить к временному упадку отдельных поселений, но затем население возвращалось.

Во второй четверти — середине IV тыс. до н.э. в Верхней и Нижней Месопотамии происходит «городская революция», после чего плотно застроенные города навсегда становятся неотъемлемой частью культуры Двуречья. Что касается Центральных Анд, то там говорить о «городской революции» не приходится. С IV тыс. до н.э. и вплоть до конкисты заметно возрастание социополитической сложности и технологической оснащенности, однако увеличение размеров крупнейших поселений — лишь один из элементов этого процесса, к тому же имевшего пульсирующий характер. С приходом испанцев перуанские города, функционирование которых целиком зависело от верховной власти, были немедленно покинуты населением.

Различия между двумя очагами формирования сложных обществ следует искать в способах, которые элита использовала для удержания власти.

В Америке это прежде всего были монополия на тайное знание и контроль над производством и циркуляцией неутилитарных престижных предметов, которые использовались в соответствующих ритуалах. Отсюда главные особенности древнеамериканских культур: культовые центры как структурообразующие элементы систем расселения; обилие памятников фигуративного изобразительного искусства; использование галлюциногенов в ритуалах с участием высшей элиты; охота за головами и публичное умерщвление пленников как часть обрядовых практик, призванных обеспечить благополучие коллектива и плодородие. Огромные трудовые затраты на строительство монументальных сооружений в период, предшествующий формированию властных элит, можно объяснить ролью дуальной организации, содействующей соревнованию противоположных групп в осуществлении красочных и дорогостоящих ритуалов. Отсутствие всего этого в культурах земледельческого неолита-энеолита Передней Азии позволяет предполагать отсутствие резко обособившейся от общества элиты и гораздо большей, чем в Америке, ролью горизонтальных связей между коллективами. Высшая элита не покупала с помощью сокровищ лояльность низшей. Ее позиции обеспечивали контроль над производством и распределением продуктов массового потребления [Oates 1993: 407–408; Stein 1994: 37–41].

* * *

Обратимся теперь к нашей главной теме — пульсирующему характеру эволюции культуры и общества. В Андах археологи фиксируют перерывы постепенности в развитии культуры и смену обществ, от которых до нас дошли хорошо выраженные свидетельства социальной сложности, теми обществами, от которых подобных свидетельств осталось гораздо меньше. В ранний период становления постпалеолитических культур Передней Азии мы сталкиваемся с похожим явлением, о чем ниже. Закономерен вопрос — насколько такая пульсация может расцениваться как типичная для развития культуры в первичных очагах ранних цивилизаций?

Материалы показывают, что мы имеем дело с регионально специфичными, исторически неповторимыми явлениями. Но есть и обстоятельство, которое их объединяет. Причину изменений в социополи-

тической организации, отраженной в системах поселений, характере и масштабах общественно-культовых сооружений, стилях искусства и пр., можно видеть в кризисах идеологии.

Как было сказано, власть элиты в Центральных Андах определялась монополией на тайное знание. Соответственно утрата власти могла произойти в том случае, если ценность подобного знания в глазах общества оказалась поставленной под сомнение. Если в Передней Азии власть элиты покоилась на другой основе, то подобный сценарий там был невозможен. И действительно: от докерамического неолита Б и до эпохи эллинизма и особенно до распространения мировых религий Передняя Азия развивалась по восходящей в контексте одной культурной традиции. Даже вызванный глобальным иссушением климата кризис середины II тыс. до н.э. эту традицию не оборвал. И все же переход от одной традиции к другой, сопровождавшийся временным исчезновением свидетельств надобщинной общественной организации, в Передней Азии тоже имел место, только очень давно — в эпоху до перехода к производящему хозяйству и до формирования переднеазиатской культурной традиции. Ее появление и стало результатом данного кризиса. Что же до его причин, то они были, видимо, теми же, что и в Центральных Андах, — тайное знание, которым владела элита, утратило свою ценность в глазах общества.

Но вначале о Центральных Андах, где материалы археологии свидетельствуют о двух периодах распада прежних социополитических систем и формировании новых (рис. 5).

Первый кризис приходится на третью четверть I тыс. до н.э., когда оборвалась традиция, отраженная в строительстве монументальных общественно-культовых центров. Эти сооружения обладали сходными архитектурно-планировочными особенностями, такими как U-образная либо линейная планировка, наличие круглой углубленной ниже окружающей поверхности площади, сочетание платформ с закрытыми от посторонних глаз небольшими атриумами и обширных дворов. Связанные с данными центрами памятники изобразительного искусства отражают сходный канон (рис. 1). Можно поэтому утверждать, что при всех локальных и временных вариациях речь идет об одной и той же исторической общности, существовавшей в северных и центральных районах Перу на протяжении не менее 2,5 тысяч лет.

Одновременно с оставлением общественно-храмовых комплексов исчезают погребения с золотом, число предметов с профессионально

выполненными фигуративными изображениями сокращается, а уровень художественного мастерства снижается.

Массовое оставление монументальных комплексов происходило в Перу и раньше. Оно имело место на побережье в IX в. до н.э. Однако в то время гибель подобных центров была вызвана природной катастрофой — мощными эль-ниньо и, возможно, цунами, о чем собраны многочисленные свидетельства [Bird 1987; Elera Arévalo 1999: 273–274; Sandweiss et al. 2007]. Однако оставление аналогичных центров в горных районах и общий обрыв культурной традиции как в горах, так и на побережье в третьей четверти I тыс. до н.э. никакими внешними обстоятельствами объяснить невозможно. На территории протяженностью 1000 км с севера—северо-запада на юг—юго-восток и 150–200 км с востока на запад (рис. 4) экологические и социальные условия были слишком разнообразны, чтобы изменения климата, землетрясения или что-то еще могли бы одновременно оказать свое действие. Так, если экономика побережья основывалась главным образом на ирригационном оазисном земледелии и эксплуатации морских ресурсов, то в высокогорной пуне люди пасли скот и выращивали клубнеплоды. Тем не менее обрыв традиции произошел примерно синхронно. Датировка этих событий V–III вв. до н.э. означает неточность временных оценок, а не разновременность оставления памятников. Не исключено, что процесс имел лавинообразный характер и завершился за несколько десятилетий. Единственной причиной произошедшего, которую можно сейчас предложить, мог стать кризис идеологии. Люди отказались делегировать власть прежним лидерам, в результате чего связанные с определенной идеологией неутилитарные объекты потеряли свое значение и были брошены.

В затронутых кризисом северо-центральных районах Перу население не сокращается, хотя жители часто мигрируют в пределах одной долины или нескольких соседних долин. Культура, однако, резко меняется. Вместо гигантских платформ с расположенной вокруг относительно небольшой жилой застройкой появляются крупные хаотично застроенные поселения. Имеющиеся в них общественно-культурные объекты невелики, но многочисленны. Камни из святилищ предшествующего времени используются для строительства жилых построек, нередко возводимых на сакральных в прошлом участках.

В конце I тыс. до н.э. в Перу начинается новый период усложнения социополитических структур, с которым связано появление обществ уровня государства. На севере побережья этот процесс занял около

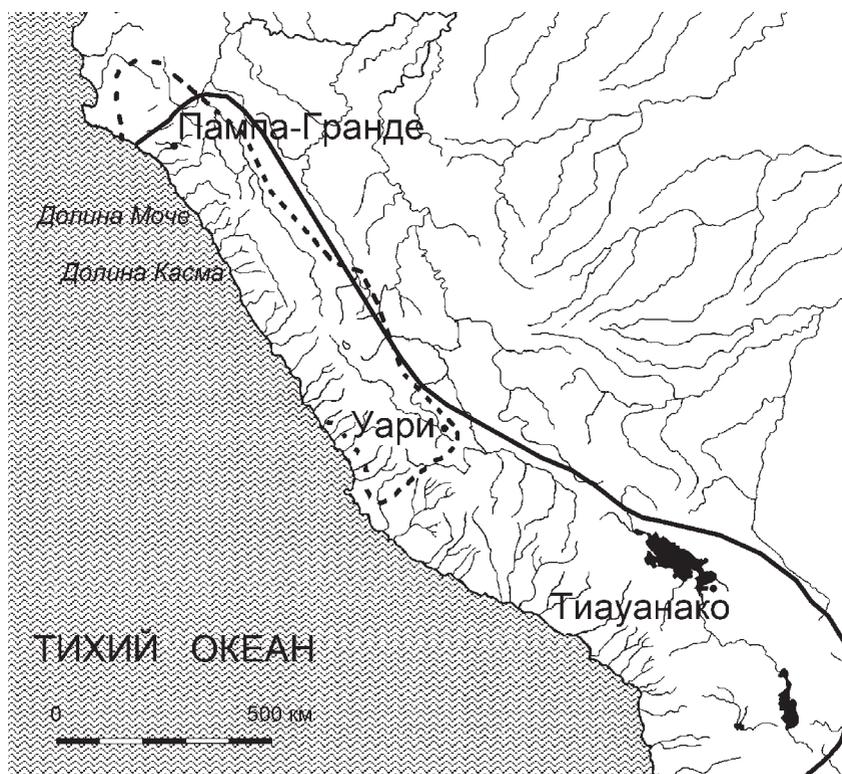

Рис. 4. Максимальные зоны влияния перуанских общественно-культурных центров в III — первой половине I тыс. до н.э. (пунктир) и культур уари и тиауанако в третьей четверти I тыс. н.э. (сплошная линия)

трех столетий (I в. до н.э. — II в. н.э.). Сохранившиеся от второй четверти I тыс. н.э. свидетельства сложной общественной организации — те же, что и характерные для II — первой половины I тыс. до н.э., то есть гигантские монументальные сооружения и сокровища. Кроме того, появляются города с населением 10 тыс. чел. и более. Археологам удастся также проследить возникновение четырехгрангов систем поселений, что характерно для политических образований уровня государств. Даже если такие системы отражают не иерархию назначаемых из центра чиновников, а всего лишь неформальное соподчинение лидеров, переход от трехгрангов систем к четырехгранговым несомненно свидетельствует о возрастании социополитиче-

ской сложности. В третьей четверти I тыс. до н.э. практически по всей территории Центральных Анд распространяется новая идеология. Она отражена в изобразительном искусстве культур уари и тиауанако. Культуры северного Перу свою самостоятельность сохранили, но влияние Уари чувствовалось и там (рис. 4).

В конце I тыс. н.э. эта система разваливается и общества уровня государства сохраняются лишь на севере побережья Перу. На остальной территории Центральных Анд в X/XI–XII/XIII вв. трудно обнаружить следы политических образований выше уровня простых вожеств. Лишь Тиауанако, утратив все свои удаленные от центра анклавов, возможно, просуществовало до середины XII в. Как и во второй половине I тыс. до н.э., причины кризиса следует искать в проблемах, касающихся идеологии. Повсюду в Центральных Андах в этот период радикально меняется художественный стиль, а число памятников фигуративного изобразительного искусства резко сокращается. За исключением нескольких долин на севере тихоокеанского побережья, на остальной территории региона погребения становятся бедными и однообразными, монументальное строительство прекращается. Все это свидетельствует не о смене населения, а о смене элит.

В XIII в. становится заметен новый восходящий тренд общественно-политического развития, который завершается образованием империи Инков. На этот раз строительство гигантских монументальных платформ и практика регулярного публичного умерщвления пленников не возобновились. Однако во многих других отношениях инкское общество продолжало традиции, заложенные в отдаленном прошлом. Империя была организована по образцу сельской общины с ее фратриальным делением. Элита продолжала контролировать тайное знание и престижную экономику, хотя контроль над производством и распределением продуктов массового потребления также получил большое значение. Не существовало ясного механизма передачи власти, каждый правитель сталкивался с проблемой подтверждения своей легитимности [Березкин 2005]. Вполне вероятно, что подобные трудности могли вызвать новый идеологический кризис, который закончился бы распадом империи и понижением уровня социальной сложности. Однако конкиста помешала реализации этого исторического эксперимента.

Пульсирующее развитие Древнего Перу видно на схемах, отражающих изменение размеров монументальных сооружений и количества золота в захоронениях (рис. 5).

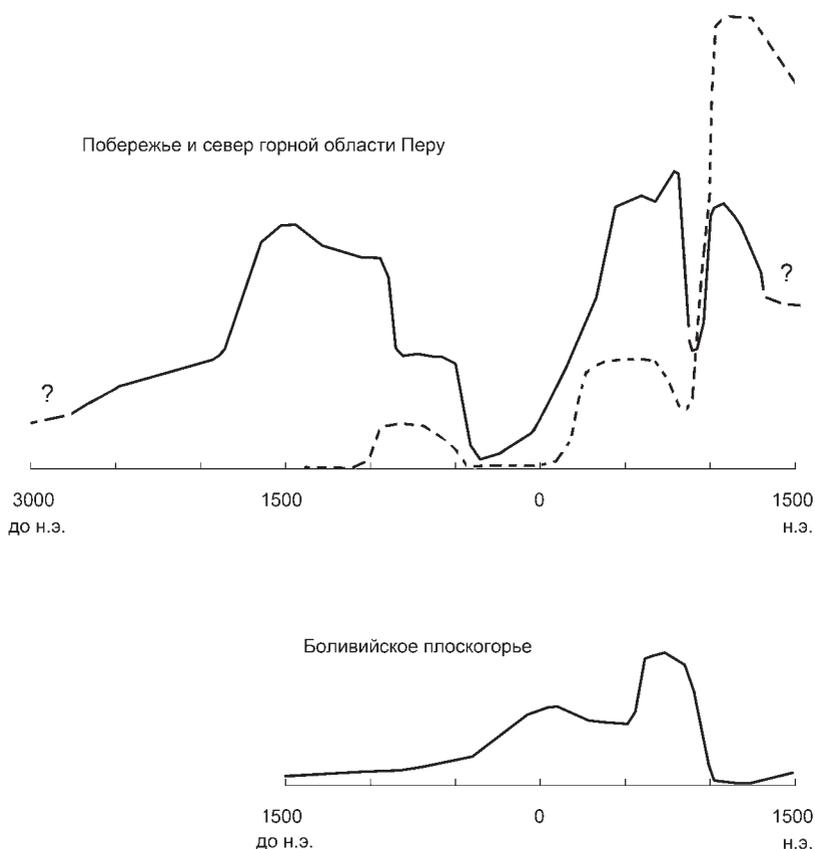

Рис. 5. Динамика объемов монументальных общественно-культурных сооружений (сплошная линия) и количества золота в погребениях (пунктир) в Центральных Андах. Оценка ориентировочная, отражающая направление изменений, а не конкретные показатели

Несмотря на глубину кризисов, дважды поразивших центрально-андский регион, они не привели к кардинальной смене культурной традиции. Два обстоятельства могли сыграть свою роль. Во-первых, ни во второй половине I тыс. до н.э., ни в конце I — начале II тыс. н.э. культурно-хозяйственная основа перуанской цивилизации существенно не менялась. Соответственно вряд ли менялись верования и ритуальные практики на уровне крестьянской общины. Во-вторых,

оба кризиса хотя и имели грандиозные масштабы, не затронули всю территорию Центральных Анд, и, следовательно, докризисные культурные нормы могли быть легко восстановлены. В периоды кризисов памятники изобразительного искусства в Центральных Андах в некоторых районах почти исчезают, а их стиль меняется. Тем не менее некоторые важнейшие иконографические клише и сюжеты сохраняются в неизменном виде от по крайней мере начала III тыс. до н.э. до эпохи Инков. Имеющиеся пока материалы, связанные с периодом ранее III тыс. до н.э., бедны. Однако вполне вероятно, что центральноандская традиция в отношении как изобразительного искусства, так и некоторых особенностей социополитической организации в конечном итоге восходит едва ли не к палеоиндейцам [Moseley 1992: 83]. В пользу этого — разного рода культурные параллели, связывающие отдельные общества Нового Света, от Аляски до Бразилии.

Теперь о Передней Азии. Как было сказано, начиная с докерамического неолита Б (PPNB) в развитии этого региона резких перерывов постепенности не заметно. Кризис PPNB в южном Леванте в VII тыс. до н.э. имел локальный характер и был обусловлен долговременной засухой. К тому же последние исследования на большом поселении Айн-Газаль близ иорданской столицы показывают, что этот кризис не был столь резким, как вначале казалось, — жизнь на поселении продолжалась даже в VI тыс. до н.э. [Kafafi et al 2012]. Совершенно иначе выглядит ситуация с эпохой ранее PPNB. Данные о культуре верховьев Евфрата и Тигра периода, предшествующего становлению производящей экономики, позволяют предполагать существование здесь исключительно своеобразной традиции. Речь идет прежде всего о периоде функционирования сооружений из нижнего слоя Гебекли-тепе [Корниенко 2011; Шмидт 2011]. Напомню, что на Гебекли обнаружены круглоплановые постройки из камня до 30 м в диаметре, а внутри них — украшенные рельефными изображениями каменные стелы.

Гебекли был основан в середине X тыс. до н.э. или чуть раньше. Поскольку раскопки продолжаются, открытие там материалов начала X тыс. до н.э. нельзя исключать. Со временем размеры монументальных каменных стел уменьшались, самые большие сооружения — самые ранние.

Памятников, хотя бы отдаленно сопоставимых с Гебекли по размерам и функциям и синхронных его раннему слою, нет. Некоторое время отрывочные сообщения еще об одном объекте, расположенном на малопригодном для обитания известняковом плато, привели

к определенному замешательству. Речь идет о находящемся в нескольких десятках километрах к юго-востоку от Гебекли Карахан-тепе, где при поверхностном обследовании были замечены верхи 266 каменных стел [Byrd 2005: 267]. Если бы это был памятник, однотипный Гебекли и одновременный ему, то мы, возможно, должны были бы говорить о группе ритуальных центров одного ранга. Оказалось, однако, что площадь Карахана — 6 га, то есть почти втрое меньше, чем площадь Гебекли, а найденные там стелы имеют высоту не 3–5 м, а всего лишь 1–2 м [Çelik 2011]. Небольшие размеры стел соответствуют хронологическому положению Карахана — синхронно верхнему слою Гебекли-тепе, где стелы тоже намного меньше размером, чем стелы нижнего слоя.

Здания общественно-культурного характера, в тех или иных отношениях напоминающие святилища Гебекли-тепе, найдены на нескольких поселениях IX тыс. до н.э., в частности в Чаюню-тепеси, Невали-Чори, Жерф эль-Ахмаре и Мюрейбете [Корниенко 2002; 2006: 32–66; Schirmer 1990; Stordeur et al. 2000]. Во всех этих случаях рядом со святилищами располагаются жилые дома. В отличие от остальных памятников, кроме, кажется, Карахана, Гебекли-тепе был исключительно церемониальным центром. Жить на высоком плато было возможно, лишь если туда доставляли воду и продовольствие. Соответственно люди могли собираться здесь вместе лишь на короткое время. В крайнем случае в Гебекли постоянно находилось небольшое число лиц, наделенных особыми прерогативами и получавших все необходимое со стороны.

Хотя вблизи Гебекли-тепе ни более ранних, ни синхронных монументальному комплексу памятников пока не найдено, представление о рядовых поселениях данной культуры дают исследования в верховьях Тигра, в 150 км восточнее Гебекли-тепе. Верхний слой одного из них, Хасанкейф-хеюк, видимо, синхронен нижнему горизонту Гебекли-тепе, нижние слои пока не изучены [Miyake et al. 2012]. Другое поселение, Кертик-тепе, также многослойное, датируется самым концом XI — началом X тыс. до н.э. и, по-видимому, возникло раньше появления в Гебекли-тепе первых сооружений, известных там на сегодняшний день [Soçkun et al. 2010; Özkaça 2009]. На рубеже плейстоцена и голоцена данный район представлял собой богатый ресурсами дубовый парковый лес. В 90-х годах здесь было исследовано еще одно поселение с материалами X тыс. до н.э. и более ранними — Халлан-Чеми [Корниенко 2006: 25–32; Nosenberg et al. 1995; Starkovich,

Stiner 2009]. Оно находится выше в предгорьях, и его обитатели занимались главным образом охотой, хотя собирательство семян дикорастущих бобовых имело существенное значение. Обитатели Кертик-тепе тоже были охотниками и собирателями, но не менее, если не более важную роль в их хозяйстве играла рыбная ловля. Они жили оседло в круглоплановых углубленных в землю домах со стенами из булыжников. Поражает обилие найденных в погребениях предметов с изображениями — не только геометрическими, но и фигуративными. Они встречаются на каменных сосудах, костяных подвесках и других небольших изделиях. Ранее подобные вещи были найдены на Халлан-Чеми, однако лишь во фрагментах. Стиль этих изображений гораздо больше напоминает монументальное искусство Гебекли-тепе, чем искусство докерамического неолита Леванта. Вполне вероятно, что именно обитатели если не конкретно этих, то других подобных поселений и были людьми, создавшими первое в истории сложное общество.

То, что это произошло в рамках присваивающего, а не производящего хозяйства, заставляет существенно пересмотреть наши взгляды на процесс сложения цивилизации. В Кертик-тепе не только не найдено зерновок злаков с морфологическими признаками окультуривания, но остатков злаков здесь вообще мало. Зато обилие костей рыб, рыболовные крючки и остатки сетей заставляют вспомнить, с одной стороны, о Лепенском Вире, а с другой — о вземе или же о культурах Колумбийского плато и северо-западного побережья Северной Америки. Таковые обычно рассматриваются как некие аномалии — производящего хозяйства нет, а демографическая плотность и уровень социополитической сложности высоки. Теперь оказывается, что нечто подобное могло иметь место в древнейшем и наиболее важном центре формирования неолитической по типу культуры. Нынешняя датировка основания Гебекли-тепе — 9600 до н.э. — позволяет уверенно говорить о том, что первое в истории сложное общество возникло не после, а до становления производящего хозяйства. И если Гебекли-тепе окажется единственным и уникальным центром своего рода для X тыс. до н.э. (по современным данным, это так), то его влияние могло распространяться не на десятки, а на сотни километров.

Двадцать лет назад никто не решился бы предположить возможность существования подобного общества. Можно сказать, что открытие Гебекли-тепе подорвало основы как стьюардковского, так и чайлдковского эволюционизма. Какому политическому образова-

нию эта древняя общность могла соответствовать — band, autonomous village, tribe, chiefdom? Любой вариант ответа легко оспорить. Соответствует ли это общество «палеолитической дикости» или «неолитическому варварству»? Скорее второму, однако без производящего хозяйства и с монументальными сооружениями, ожидаемыми не в неолите, а в бронзовом веке.

Для темы нашей статьи существенно то, что общество Гебекли-тепе и общество докерамического неолита Леванта различны в отношении не только форм хозяйства, но и типов поселений и иконографии. Между культурой Гебекли и культурой PPNB не заметно преемственности. По мере того как специализированное собирательство превращалось в земледелие, значение Гебекли падало. Уменьшение размеров стел, а также камней, из которых сложены стены святилищ [Шмидт 2011: 225–227], означает, что люди утрачивали интерес к прежним культам. Когда же выращивание растений и разведение домашних животных стали основой хозяйства, традиция Гебекли вовсе исчезла.

Руководитель раскопок К. Шмидт называет элиту общества Гебекли «шаманами». Не знаю, насколько корректно подобное обозначение, но идеология этих людей должна была иметь отношение к охоте на крупных животных — другие варианты трудно представить. Вместе с тем в Чатал-хеюке, где изобразительное искусство тоже, по-видимому, отражает идеологию охотников, а вовсе не земледельцев и скотоводов, иконографический канон и сюжеты изображений связи с памятниками круга Гебекли не обнаруживают. Весьма вероятно, что общество Чатал-хеюка стало распадаться после того, как охота на дикого тура уступила место разведению крупного рогатого скота [Arbuckle, Makarewicz 2009]. Однако преобладающие в Чатал-хеюке образы женщины и быка имеют параллели в культуре докерамического неолита Леванта и сохранялись также в халафской культуре (рис. 1). Халаф, распространившийся в самом конце VII — первой половине VI тыс. до н.э., то есть непосредственно после оставления Чатал-Хеюка, представляет собой развитое неолитическое общество, основанное на земледелии и скотоводстве. Образы женщины и быка остаются господствующими в восточном Средиземноморье вплоть до распространения мировых религий [Sauvin 1994]. Что же до культуры Гебекли — то это особая традиция, о начальных этапах которой пока мало известно. В конце IX тыс. до н.э. она угасла, уступив место той переднеазиатской традиции, которая, как уже говорилось, просуществовала в регионе много тысячелетий.

Как и в Центральных Андах, смена фигуративных художественных стилей означает смену элит. Общество Гебекли-тепе уступило место другому — не только основанному на иных отраслях хозяйства, но и политически организованному иначе. В истории переднеазиатского региона лишенные или почти лишенные постоянного населения церемониальные центры никогда больше не играли существенной роли. Также с конца IX тыс. до н.э. до первой половины IV тыс. до н.э. археологи не обнаруживают в Передней Азии столь же красноречивых свидетельств координированной деятельности столь большого числа людей, как в Гебекли. Вернее сказать, сети связей между общинами в халафе, самарре и тем более в убейде могли быть весьма обширны, но выявить их непросто. Нет сомнений, что эти системы функционировали по-другому, чем в обществе Гебекли. Не исключено, что Телль эс-Савван, небольшое (3,5 га) поселение культуры самарра с его знаменитыми наборами алебастровых статуэток в детских захоронениях [Корниенко 2006: 102–110], находилось в фокусе межобщинных контактов, протянувшихся на сотни километров, — для Месопотамии VI тыс. до н.э. Телль эс-Савван, как и Гебекли для X тыс. до н.э., остается единственным памятником в своем роде. Однако разница между двумя памятниками огромна. Сооружения Гебекли требовали для своего создания колоссальных трудовых ресурсов, а здания в Телль эс-Савване не отличались существенно от рядовых жилищ своего времени.

После распространения производящего хозяйства, то есть уже к концу IX тыс. до н.э., на Ближнем Востоке сперва появляются плотно застроенные поселения с небольшими святилищами [Ашиклихеюк в Анатолии; Düring 2011: 59–74], а затем поселения более крупные, в которых специализированных культовых зданий нет вовсе, а ритуальные действия совершались в парадных помещениях домохозяйств. Примером служат Чатал-хеюк, убейдский Телль-Абада, равно как и Илгынлы-депе в Южной Туркмении [Березкин, Соловьева 1996; 1998]. Монументальные общественно-культовые сооружения урукского времени со святилищами X–IX тыс. до н.э. исторически не связаны. Их вероятные предшественники — жилища религиозных специалистов убейдского времени.

* * *

Подведем итог. Кажется вероятным, что как кризисные периоды в истории Центральных Анд (вторая половина I тыс. до н.э. и конец

I — начало II тыс. н.э.), так и переход от традиции, характерной для общества Гебекли-тепе (X — первая половина IX тыс. до н.э.), к традиции, характерной для более поздних переднеазиатских культур вплоть до эпохи распространения мировых религий, были вызваны утратой доверия к определенным элитам. Разумеется, утрата элитой доверия характерна для любого социополитического кризиса, чем бы он ни был вызван. Трудности, с которыми сталкивается общество в периоды природных бедствий или войн, губительны для него лишь в том случае, если население перестает доверять руководству. Однако в рассмотренных случаях речь идет о более специфической ситуации.

В своей знаменитой работе Т. Далтрой и Т. Эрл выделили два типа экономических рычагов, которые верховная власть использует для управления [D'Altroy, Earle 1985]. Один — это обеспечение лояльности местных элит путем создания условий для престижного потребления. Второй — удовлетворение основных потребностей населения в продуктах массового потребления. Подобные рычаги использует любая власть, хотя их роль в разных обществах неодинакова. Однако есть, видимо, смысл выделить еще один основной способ, используемый для удержания власти — контроль над тайным (сакральным) знанием. Речь идет о текстах и ритуальных практиках, ценность которых условна. До тех пор пока общество их признает, люди сохраняют лояльность определенной элите. Задача элиты состоит в том, чтобы регулярно убеждать общество в своей способности контролировать сакральные тексты и ритуалы. Если вера в объективную ценность той информации, которой владеет элита, оказывается утраченной, существование элиты теряет в глазах общества всякий смысл.

Один из самых простых способов классификации обществ, известных по письменным источникам, есть их классификация по конфессиям. Этот подход кажется архаическим, поскольку отодвигает на второй план экономические и политические особенности, которые более всего определяют условия жизни людей. Однако, говоря о конфессиях, мы в сущности говорим об элитах, претендующих на контроль над определенными текстами и ритуальными практиками. Одна из таких элит не так давно находилась у власти в России и утратила власть из-за того, что общество перестало верить в ценность соответствующего тайного знания. Экономические трудности сами по себе не могли быть достаточной причиной кризиса — ранее то же общество сталкивалось с более серьезными трудностями, но доверяло элите и не распадалось. Хотя эти события происходили на наших глазах,

значение тех или иных конкретных обстоятельств определить вовсе не просто. В отношении древности нам тем более трудно понять, по каким конкретно причинам хранители тайного знания могли утратить доверие масс, — письменные источники об этом не сообщают. Однако проблема заслуживает исследования.

Библиография

Башилов В.А. «Неолитическая революция» в Центральных Андах. Две модели палеоэкономического процесса. М.: Наука, 1999.

Березкин Ю.Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н.э. // Вестник древней истории. 1994а. № 3. С. 14–27.

Березкин Ю.Е. Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // Кунсткамера: этнографические тетради. СПб., 1994б. Вып. 4. С. 5–19.

Березкин Ю.Е. Модели среднemasштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток: Дальнаука, 1995. С. 94–104.

Березкин Ю.Е. Сакрализация власти в доиспанском Перу // Сакрализация власти в истории цивилизации. Ч. 1. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2005. С. 161–196.

Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф. Символы власти в акефальном обществе. Скамьи, кресла и бык на юге Центральной Азии // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб.: МАЭ, 1996. С. 102–118.

Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф. Парадные архитектурные комплексы Илгыны-депе // Археологические вести. СПб.: ИИМК РАН, 1998. Вып. 5. С. 86–123.

Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. Основные социологические понятия // Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.

Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство и его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 85–163.

Гринин Л.Н. Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типология и сопоставительный анализ // Ранние формы политических систем. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 9–98.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Вождества и их аналоги: к типологии средне-сложных обществ // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2012. С. 92–123.

Корниенко Т.В. Храмы северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // Вестник Древней Истории. 2002. № 2. С. 92–113.

- Корниенко Т.В.* Первые храмы Месопотамии. СПб.: Алетейя, 2006.
- Корниенко Т.В.* Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // *Археологические вести*. 2011. Вып. 17. С. 70–95.
- Кортаев А.В.* Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003.
- Лыниша В.А.* Гордон Чайлд и американский неоэволюционизм // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 5. С. 3–17.
- Массон В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964.
- Массон В.М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971.
- Массон В.М.* Алтын-депе. Л.: Наука, 1981.
- Шмидт К.* Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли-Тепе. СПб.: Алетейя, 2011.
- Alon D., Levy T.E.* The archaeology of cult and the Chalcolithic sanctuary at Gilat // *Journal of Mediterranean Archaeology*. 1989. Vol. 2. No. 2. P. 163–221.
- Anton F.* Altindianische Textilkunst aus Peru. Leipzig: E.A. Seeman Verlag, 1984.
- Arbuckle B.S., Makarewicz C.A.* The early management of cattle (*Bos taurus*) in Neolithic central Anatolia // *Antiquity*. 2009. Vol. 83. No. 321. P. 669–686.
- Berenguer J.R.* Evidencias de inhalación de alucinógenos en esculturas Tiwanaku // *Revista Chungara*. 1985. Vol. 14. P. 61–69.
- Berenguer J.R.* Consumo nasal de alucinógenos en Tiwanaku: una aproximación iconográfica // *Boletín del Museo Chileno de Arte Precolombino*. 1987. Vol. 2. P. 33–53.
- Bird R.* A postulated tsunami and its effects on cultural developments in the Peruvian Early Horizon // *American Antiquity*. 1987. Vol. 52. No. 2. P. 295–303.
- Bischof H.* Los periodos Arcaico Tardío, Arcaico Final y Formativo Temprano en el valle de Casma: evidencias e hipótesis // *Boletín de Arqueología PUCP*. 2009. Vol. 13. P. 9–54. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://revistas.pucp.edu.pe/index.php/boletindeferqueologia/article/view/877>
- Bischof H.* Toward the definition of Pre- and Early Chavin art styles in Peru // *Andean Past*. 1994. Vol. 4. P. 169–228.
- Burger R.L.* Chavin and the Origins of Andean Civilization. L.: Thames and Hudson, 1995.
- Burger R.L.* What kind of hallucinogenic stuff was used at Chavin de Huanter? An iconographic identification // *Ñawpa Pacha*. 2011. Vol. 31. No. 2. P. 123–140.
- Byrd B.F.* Reassessing the emergence of village life in the Near East // *Journal of Archaeological Research*. 2005. Vol. 13. No. 3. P. 231–290.
- Cardale Schrimppff M.* Calima and Malagana: Art and Archaeology in Southwestern Colombia. Bogotá: Pro Calima Foundation, 2005.
- Carrión Cachot R.* La Cultura Chavin // *Reimpreso de la Revista Nacional de Antropología y Arqueología*. Lima, 1948. Vol. 2. No. 1.

Carrión Cachot R. Religión en el Antiguo Perú. Norte y Centro de la Costa, Período Postclásico. Lima: Tipografía Peruana, 1959.

Cauvin J. Naissance des divinités, naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. P.: CNRS Éditions, 1994.

Çelik B. Karahan Tepe: a new cultural centre in the Urfa area in Turkey // *Documenta Praehistorica*. 2011. Vol. 38. P. 241–253.

Cordy-Collins A. Chavin art: its shamanistic/hallucinogenic origins // *Pre-Columbian Art History: Selected Papers*. Palo Alto: San Diego Mesa College, 1977. P. 353–362.

Cordy-Collins A. Archaism or tradition: the decapitation theme in Cupisnique and Moche iconography // *Latin American Antiquity*. 1992. Vol. 3. No. 2. P. 206–220.

Coşkun A., Benz M., Erdal Y.S., Koruyucu M.M., Deckers K., Riehl S., Siebert A., Alt K.W., Özkaya V. Living by the water — boon and bane for the people of Körtik Tepe // *Neo-Lithic*. 2010. No. 2. P. 59–70.

Daggett R.E. Reconstructing the evidence for Cerro Blanco and Punkuri // *Andean Past*. 1987. Vol. 1. P. 111–132.

D'Altroy T.N., Earle T.K. Staple finance, wealth finance, and storage in the Inka political economy // *Current Anthropology*. 1985. Vol. 26. No. 2. P. 187–206.

Drennan R.D. Chiefdoms of Southwestern Colombia // *Handbook of South American Archaeology*. N.Y.: Springer, 2008. P. 381–403.

Düring B.S. The Prehistory of Asia Minor. From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Elera Arévalo C.G. The Puémape site and the Cupisnique culture: a case study on the origins and development of complex society in the Central Andes, Peru: Ph.D. thesis. Calgary: The University of Calgary, 1999.

Falcón V., Díaz P. Representaciones líricas de Tinyash // *Rupestreweb*. 2008. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.rupestreweb.info/tinyash.html>.

Flannery K., Marcus J. The Creation of Inequality. How our prehistoric ancestors set the stage for monarchy, slavery and empire. Cambridge; L.: Harvard University Press, 2012.

Fuchs P.R., Patzschke R. Early monumentalism in the Central Andes: the origins of monumental architecture in the Casma Calley // *Chavín. Peru's Enigmatic Temple in the Andes*. Zurich: Museum Rietberg and Verlag Schneider & Speiss, 2013. P. 71–84.

Garrafa R.S., Benfer R.A. Revelaciones simbólicas del precerámico en Buena Vista — Valle de Chillón // *El Antoniano*. 2012. Vol. 22. No. 120. P. 41–54.

Grinin L., Korotayev A. Chiefdoms and their analogues: alternatives of social evolution at the societal level of medium cultural complexity // *Social Evolution and History*. 2011. Vol. 10 (1). P. 276–334.

Guaman Poma de Ayala F. La Nueva Cronica y Buen Gobierno. Lima: Editorial cultural, 1956.

Hijara I. Three new graves at Arpachiyah // *World Archaeology*. 1978. Vol. 10 (2). P. 125–128.

Hodder I. The spatio-temporal organization of the early “town” at Çatalhöyük // (Un)settling the Neolithic. Oxford: Oxbow Books, 2005. P. 126–139.

Hohmann C. Das Spiel mit den Welten. Die Ikonographie von Recuay: Zur Erlangung des Doktorgrades eingereicht am Fachbereich Geschichts- und Kulturwissenschaften. Berlin: Freien Universität, 2010.

Hosenberg M., Nesbitt C., Redding R.K., Strasser T.F. Hallan Çemi Tepesi: some preliminary observations concerning Early Neolithic subsistence behaviors in Eastern Anatolia // *Anatolica*. 1995. Vol. 21. P. 3–12.

Isbell W.H. Wari and Tiwanaku: international identities in the Central Andean Middle Horizon // *Handbook of South American Archaeology*. N.Y.: Springer, 2008. P. 731–759.

Isbell W.H., Knobloch P.J. Missing links, imaginary links: Staff God imagery in the South Andean Past // *Andean Archaeology III. North and South*. N.Y.: Springer Science, 2006. P. 307–351.

Joffe A.H., Dessel J.P., Hallote R.S. The “Gilat woman”. Female iconography, Chalcolithic cult, and the end of Southern Levantine prehistory // *Near Eastern Archaeology*. 2001. Vol. 64. No. 1–2. P. 8–23.

Kafafi Z., Rollefson G., Douglas K., Lash A. ‘Ain Ghazal revisited: rescue excavations October and December-January, 2011–2012 // *Neo-Lithics*. 2012. Vol. 2. P. 33–40.

Kauffmann Doig F. Manual de Arqueología Peruana. Lima: Ediciones Peisa, 1980.

Knobloch P.J. Wari ritual power at Conchopata: an interpretation of Anadenanthera Colubrina iconography // *Latin America Antiquity*. 2000. Vol. 11. No. 4. P. 387–402.

Kutscher G. Nordperuanische Keramik. Berlin: Ibero-Amerikanische Bibliothek, 1954.

Makowski K. La ciudad y el origen de la civilización en los Andes // *Estudios Latinoamericanos* (Varsovia). 1996. Vol. 17. P. 63–88.

Makowski K. Andean urbanism // *Handbook of South American Archaeology*. N.Y.: Springer, 2008. P. 633–657.

Makowski K. Religion, ethnic identity, and power in the Moche world // *New Perspectives on Moche Political Organization*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collections, 2010. P. 280–305.

Miyake Y., Maeda O., Tanno K., Hongo H., Gündem C.Y. New excavations at Hasankeyf Höyük: a 10th millennium cal. BC site on the Upper Tigris, southern Anatolia // *Neo-Lithics*. 2012. Vol. 1. P. 3–7.

Moseley M.E. The Incas and their Ancestors. L.: Thames and Hudson, 1992.

Oates J. Trade and power in the fifth and fourth millennia BC: new evidence from northern Mesopotamia // *World Archaeology*. 1993. Vol. 24. No. 3. P. 403–422.

Olsen Bruhns K. Ancient South America. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Özkaya V. Excavations at Körтик Tepe. A New Pre-Pottery Neolithic A Site in Southeastern Anatolia // *Neo-Lithic*. 2009. Vol. 2. P. 3–8.

Peregrine P.N. Cross-cultural comparative approaches in archaeology // *Annual Review of Anthropology*. 2001. Vol. 30. P. 1–18.

Peregrine P.N. Atlas of cultural evolution // *Journal of Comparative and Cross-Cultural Research*. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 2–88.

Peregrine P.N., Ember M. *Encyclopedia of Prehistory*. N.Y. et al.: Kluwer Academic, Plenum Publishers, 2000–2003. Vol. 1–9.

Peregrine P.N., Ember M., Ember C.R. Predicting the future state of the world using archaeological data: an exercise in archaeomancy // *Cross-Cultural Research*. 2004. Vol. 38. P. 133–146.

Proulx D.A. Tiahuanaco and Huari // *Art of the Andes. Pre-Columbian Sculptured and Painted Ceramics from the Arthur M. Sackler Collections*. Washington: Arthur M. Sackler Foundation, 1983. P. 106–114.

Ravines R.H. Excavaciones en Ayampata, Huancavelica, Perú // *Ñawpa Pacha*. 1977. Vol. 15. P. 49–100.

Rowe J.H. *Chavin Art. An Inquiry into its Form and Meaning*. N.Y.: the Museum of Primitive Art, 1962.

Sandweiss D.H., Maasch K.A., Andrus C.F.T., Reitz E.J., Riedinger-Whitmore M., Richardson J.B. III, Rollins H.B. Mid-Holocene climate and culture change in coastal Peru // *Climate Change and Cultural Dynamics: A Global Perspective on Mid-Holocene Transitions*. San Diego: Academic Press, 2007. P. 25–50.

Sawyer A.R. *Ancient Peruvian Ceramics. The Nathan Cummings Collection*. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 1966.

Schirmer W. Some aspects of building at the aceramic Neolithic settlement of Cayönü Tepesi // *World Archaeology*. 1990. Vol. 21. No. 3. P. 363–387.

Shimada I. *Pampa Grande and the Mochica Culture*. Austin: University of Texas, 1994.

Silverman H. *Ancient Nasca Settlement and Society*. Iowa City: University of Iowa Press, 2002.

Starkovich B.M., Stiner M.C. Hallan Çemi Tepesi: High-ranked Game Exploitation alongside Intensive Seed Processing at the Epipaleolithic/Neolithic Transition in Southeastern Turkey // *Antropozoologica*. 2009. Vol. 44. No. 1. P. 41–61.

Stein G. Economy, ritual and power in 'Ubaid Mesopotamia // *Chiefdoms and Early States in the Near East*. Madison: Prehistory Press, 1994. P. 35–46.

Steward J. Cultural causality and law: a trial formulation of the development of early civilizations // *American Anthropologist*. 1949. Vol. 51.1. P. 1–27.

Stordeur D., Brenet M., Der Arahamian G., Roux, J.-C. 2000. Les Bâtiments communaux de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syries) // *Paléorient*. 2000. Vol. 26. No. 1. P. 29–44.